

Мурзилка

№ 11

НОЯБРЬ 1937

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

О ДНЕ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СССР

На основании постановления Чрезвычайного VIII Съезда Советов и ст. 72 „Положения о выборах в Верховный Совет СССР“ об установлении дня выборов в Верховный Совет СССР не позднее, чем за два месяца до срока выборов и в нерабочий день, Центральный Исполнительный Комитет СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Назначить выборы в Верховный Совет СССР НА 12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.

2. Объявить начало избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР с 12 октября 1937 г.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. КАЛИНИН

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР

Член Президиума ЦИК СССР А. АНДРЕЕВ

Москва, Кремль.

11 октября 1937 г.

12 декабря

Этот день навсегда останется в памяти людей. Этот день дала нам Советская Конституция — великий сталинский закон, счастливой жизни народов. Именем великого Сталина, мудростью Сталина утвержден этот день в нашем календаре. В день 12 декабря народы нашей родины будут выбирать самых лучших, самых умных, самых преданных коммунизму людей в Верховный Совет СССР. Эти избранники народа, воспитанные революцией и партией Ленина — Сталина, будут управлять нашей страной.

Весь мир еще раз увидит, как мудры, справедливы, ясны и смелы законы Советской страны.

Ни в одной стране не было и нет таких законов. Перед советским избирательным законом равны все граждане СССР, все, кто дорос до восемнадцати лет. Только те не имеют права выбирать в Верховный Совет, кто лишился рассудка по болезни, да еще те, кого суд за преступления против народа лишил прав гражданина. Остальные все равны: все могут избирать, и каждый сам может быть избран, если он заслужил доверие и любовь народа.

В других странах злой, нечестный закон всячески старается отнять голос у трудового народа и насильно лишает его права избирать. А капиталистам зато позволяют избирать по нескольку раз подряд. Капиталисты добиваются, чтоб власть осталась у них в руках. Для этого они не дают избирать бездомным, беднякам, неграмотным, безработным, а также неграм, индейцам и другим угнетаемым народам.

У нас 12 декабря будут избирать все! Русский или грузин, украинец или еврей, татарин или ненец, белорусс или узбек, рабочий или доктор, колхозник или няня, астроном или водолаз, изобретатель или дворник — всё равно:

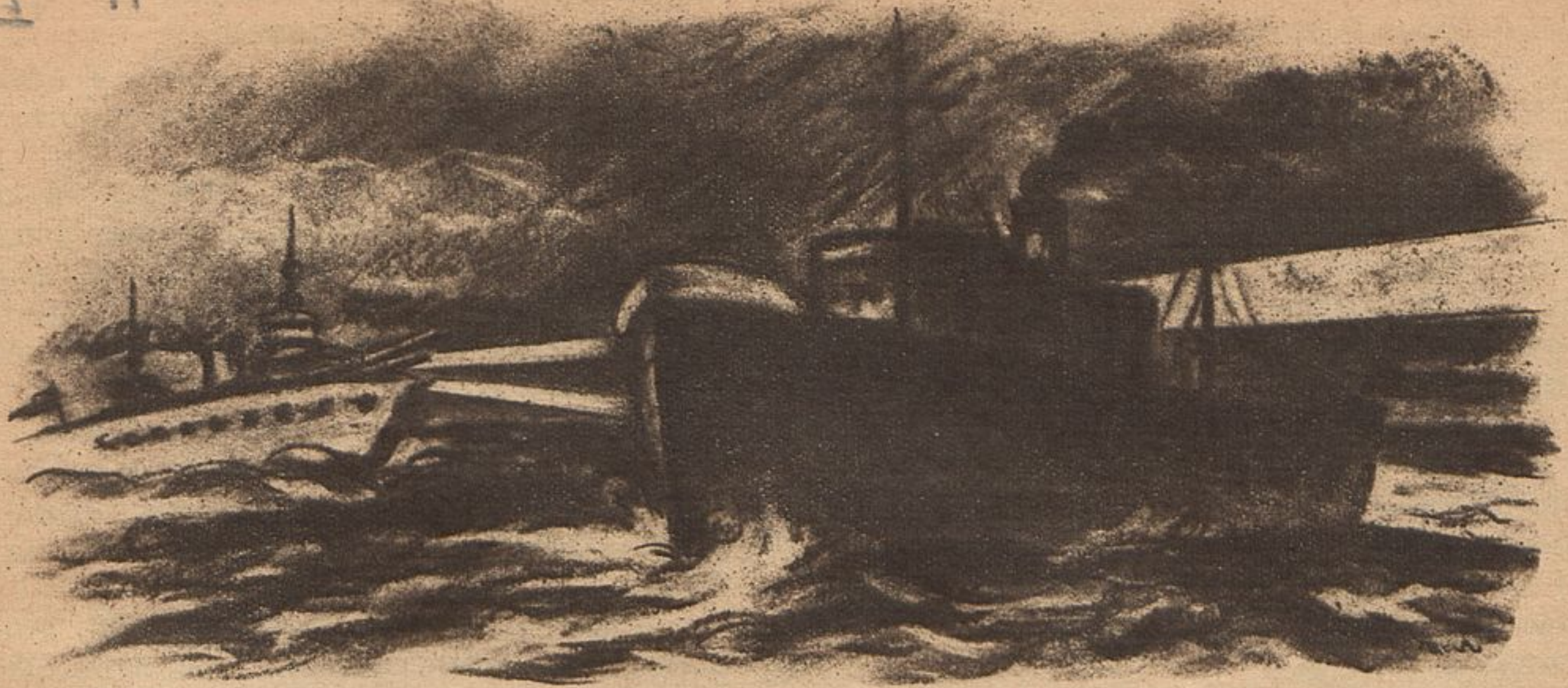
каждый имеет один голос на выборах. И этот голос он отдаст тому, кого решил избрать в Совет.

Ваши матери, бабушки и старшие сестры будут избирать наравне с отцами вашими братьями. А в других странах женщины не имеют права избирать и быть избранными. Такие права имеют одни мужчины. В других странах солдат лишен права голоса. У нас 12 декабря к избирательным ящикам пойдут все бойцы Красной армии — от красноармейца до маршала. И каждому из них страна дала равные права. Каждый избирает только того, кого знает, любит, уважает. Тайна каждого листка охраняется законом. Никто не имеет права заглядывать в чужой бюллетень (избирательный листок). Лишь неграмотные и те, кто из-за своих физических недостатков не могут заполнить избирательный листок, могут попросить какого-нибудь другого избирателя помочь им заполнить избирательный бюллетень. Никто не смеет помешать гражданину СССР голосовать за того, кого он сам хочет избрать.

Ну, а те, кто не дорос еще до восемнадцати лет? Вы, ребята, пионеры, октябрята, вы тоже должны помнить, что у вас есть свои права, свой долг. Вы — младшие граждане СССР. Расспросите хорошенько учителя или пионервожатого об избирательном законе и дома помогите вашим родителям понять, изучить это великое право советских граждан.

Зорко следите, чтобы враги народа, фашистские шпионы, троцкисты и бухаринцы, не навредили в эти дни. Помните, что выборы в Верховный Совет — большая проверка всей нашей работы. Подтянитесь и вы, ребята, придите ко дню выборов с отличными отметками. А в день выборов вы и других ребят организуйте и сами постарайтесь вести себя так, чтобы родители и все старшие могли спокойно оставить вас дома, пойти в избирательные участки и выполнить там радостный и почетный долг гражданина Советской страны.

Запомните, это будет 12 декабря 1937 года.

ГОЛОС НАД МИРОМ

Лев Кассиль

Рисунки И. Лунина

Это было год назад, 25 ноября 1936 года.

Мы шли из Испании. Накануне мы закончили разгрузку нашего корабля. Последние мешки с зерном, последние тюки с теплой одеждой для испанских ребятишек, последние бочки с маслом были сданы Республике. Мы подняли трап и вышли из гавани Вильянуэва дель Грао.

Далеко позади уже остался мол, корабли на рейде. Но вдруг, уже почти в открытом море, мы услышали: „Вива Руссия!.. Да здравствует СССР!.. Вива Сталин!“

То приветствовали нас возвращавшиеся с ловли испанские рыбаки. Баркас за баркасом проходили они мимо нашего корабля. И на каждом суденышке, едва поравнявшись с нами, торжественно полз вниз флажок одной из партий Народного фронта Испании. Загорелые люди, упираясь крепкими ногами в накренившийся борт, поднимали вверх сжатые кулаки. Так проносились они мимо нашего корабля, салютуя советским морякам.

— Ну, прощай, Эспаньола... салют, родная, — сказал наш капитан и, сняв фуражку, помахал ею.

— Разобрало нашего „деда“, — говорили в команде.

„Дед“ был еще молод: ему шел 33-й год. Но он был отличным капитаном. На корабле его любили, слушались и звали „дедом“.

Итак, курс ост — на восток! Домой...

Полтора месяца мы не видели родины и очень соскучились по ней. Рейс был трудным, опасным. Фашисты. Бомбежка. Шпионы. И хотелось скорей попасть на свою родную землю, к своим друзьям, в свою семью.

Это было 25 ноября. Мы знали, что в этот день в Москве, в Кремле, открывается Чрезвычайный VIII Съезд Советов.

Мы знали, что будет выступать сам товарищ Сталин. Его речь будут передавать по радио. И мы, далеко от родины, в чужих морях, под чужим небом, может быть, сможем услышать голос Вождя из Кремля.

Теперь самым важным человеком на корабле стал наш радист Мартынюк. От него зависело, услышим мы товарища Сталина или нет. Все старались сделать Мартынюку что-нибудь приятное, чтоб уважить его и задобрить. За обедом Таня подавала ему первому. Марья Ва-

сильевна накладывала ему двойную порцию сладкого. Боцман нарочно проиграл ему в домино, хотя всегда прежде выигрывал у радиста. Помощник капитана Моря Соловьев одолжил ему свою лучшую американскую бритву...

В этот день все усиленно брились, мылись, скреблись.

К шести часам мы собрались в кают-компанию. Все были безукоризненно выбриты. Капитан надел парадную форму и крахмальный воротничок. Уборщицы Марья Васильевна и Таня нарядились в свои лучшие платья. Мартынюк с видом торжественным и значительным поглядывал на нас. Но он, видимо, сам волновался: лицо его было все в красных пятнах.

И вот шесть часов вечера по московскому времени. Мы были недалеко от Балеарских островов. Время здесь на три часа отстает от московского. Но день уже смеркался по-осеннему.

Раскрасневшийся Мартынюк вбежал к нам в кают-компанию, потом опять вскарабкался по лестнице к себе в радиорубку. Выглянул в дверь, приложил палец к губам... Все замолчали. Все глядели на большой деревянный щит, где, как чашка в доске умывальника, чернел воронкообразный громкоговоритель. Было очень тихо на корабле. Только машины стучали под палубой и ровно шуршала вода о борт. И вдруг—шорох, треск и потом могучий плеск далеких ладоней. Мы услышали родину. Мы услышали Москву. Слышно было, как гудел огромный зал Кремлевского дворца. Наклонившись к рупору, мы распознавали шорох шагов, говор делегатов, стук откидываемых пюпитров. Зазвонил колокольчик в руках товарища Калинина, и мы услышали этот колокольчик в Средиземном море.

Съезд открылся. Мы слышали вступительное слово товарища Калинина. Мы вместе с кремлевским залом голосовали за тех, которых выбирали в президиум Съезда. Потом мы услышали: „Слово для доклада имеет товарищ Сталин“.

И тут мы все вскочили. Мы дружно аплодировали перед раструбом громкоговорителя. „Ура товарищу Сталину! Да здравствует товарищ Сталин!— доносилось из репродуктора.— Да здравствует великий Сталин! Великому гению то-

варищу Сталину ура! Виват! Рот фронт! Товарищу Сталину слава!“

И мы тоже кричали „ура“, и аплодировали, и смеялись, как маленькие, глядя друг на друга.

Прошло много минут. Потом из зала, из Кремля, из Москвы пришла тишина, и мы осторожно, стараясь не задеть стульев, сели. Чуть глуховатый, внятный голос произнес в нашей кают-компании:

— Товарищи!

Это сказал Сталин. Он сказал это, стоя на трибуне Чрезвычайного Съезда Советов. Его услышали во всем мире. И мы тоже услышали Сталина у себя на корабле.

Товарищ Сталин делал свой доклад о проекте Конституции Союза ССР.

Тихо было в кремлевском зале. Тихо было на корабле.

Мерно стучали дизели. Шумела вода за бортом. Корабль, покачиваясь на крупной зыби, поклеывая то носом, то кормой, шел вперед, и мы слышали Сталина, плывя навстречу его голосу, как идут на свет маяка.

— ... у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм,— говорил товарищ Сталин, и мы слышали, как аплодирует этим словам кремлевский зал.

Радист Мартынюк, размотав длинный провод и приладив добавочные переносные трубки, сновал по всему кораблю, разнося голос и слова Сталина тем, кто не мог присутствовать наверху, в кают-компании. Он подносил трубки-наушники вахтенным, рулевым, стоявшим у штурвала, механикам, орудовавшим внизу, у машин. И вахтенные, оставаясь на своем посту, глядя на приборы, на компас или на горизонт Средиземного моря, прикинув ухом к трубке, слушали. Вахтенные слышали: товарищ Сталин говорил об особенностях проекта новой Конституции СССР: „Он не признает разницы в правах между мужчинами и женщинами, „оседлыми“ и „неоседлыми“, имущими и неимущими, образованными и необразованными. Для него все граждане равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе“.

— Слова-то какие! Как музыка! — сказал наш „дед“, взволнованно встал, взмахнул рукой и снова сел. Но в эту минуту в кают-компанию вбежал вахтенный.

— Георгий Афанасьевич! — сказал он, обращаясь к капитану. — Военное судно на горизонте...

— Тихо, тихо, — сказал капитан. — Вы же видите — люди слушают.

— Идет прямо на нас, изменив курс, — продолжал шопотом вахтенный.

— Ну и на здоровье! — сказал капитан. Однако он поднялся, снял со стены фуражку и на цыпочках вышел. Остальные продолжали сидеть, слушая.

Мы с капитаном поднялись на мостик. Сумерки синевой и сыростью стлались над морем. А прямо на нас, нацелившись словно в носовую скулу нашего теплохода, неся военный корабль. Капитан поднял бинокль.

— Итальянец, чорт. Миноносец.

— Макаронник, — сказал капитан.

Теперь уже и без бинокля был виден красно-бело-зеленый флаг за кормой несущегося на нас миноносца. Быстроходный и весь словно скользкий, он мчался по волнам. У него был острый, хищный нос, узкий у воды и тюльпаном расширяющийся кверху. Он рассекал струи, целый ворох брызг вышвыривал на ходу. Подойдя к нам на расстояние 80—100 метров, он круто развернулся и, накренившись, стал описывать кольца вокруг нашего корабля. Круги становились все уже и уже. Казалось, что миноносец сейчас срежет нам корму или нос.

— Запугать хочет, — сказал капитан и скомандовал: — Поднять им в пику парадный флаг!

Вахтенный побежал к корме, и через минуту огромное алое полотнище взлетело на флагштоке. Мы отсалютовали флагом итальянцу. Так полагалось по морским правилам. Торговое судно

обязано первым салютовать флагом всякому военному кораблю. Мы вежливо отсалютовали. Но итальянец не ответил на наш морской привет. Он упрямо кружил вокруг нас.

— Эх, досада! Послушать не дает, — сказал капитан, стараясь уловить слова, доносившиеся из рубки.

А Сталин в это время говорил:

— Советская власть уничтожила безработицу, провела в жизнь право на труд, право на отдых, право на образование, обеспечила лучшие материальные и культурные условия рабочим, крестьянам и интеллигенции, обеспечила проведение в жизнь всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании граждан...

Не спуская глаз с зловещего миноносца, который все кружил около нашего корабля, капитан прислушивался к голосу из Кремля. Какие слова! Только с нашей родины могли доноситься такие слова!

Сумерки сгущались, и уже плохо был виден красный стяг над нашей кормой. Но он был, он громко хлопал на ветру. И флаг на нашем корабле был таким же, как тот, что в эти минуты развевался в ночном небе Москвы над Кремлевским дворцом. Зловещий миноносец не мог помешать нам слушать слова, которые на весь мир несли гордость, счастье, свет и радость нашей родины. Сталин шел с нами. Слова его, голос его жили на нашем корабле. И мы смеялись вместе с людьми, сидевшими в кремлевском зале, когда товарищ Сталин стал высмеивать глупых заграничных критиков Конституции.

„Дуракам закон не писан“, говорил Сталин, и нам казалось, что мы видим, как дрогнули его усы в веселой улыбке.

Мартынюк принес капитану наушники на длинном проводе. Припадая ухом к эбонитовой чашечке, капитан слушал и продолжал сверлить глазами сгустившийся сумрак. В этой холодной дующей тьме продолжал кружить около нас черный силуэт итальянского миноносца. И вдруг залились оголтелые тревожные звонки на миноносце. Рожок резко проиграл боевую тревогу. „Дед“ зажмурился, ослепленный на мгновение. Это с миноносца направили на нас прожектор. Теперь миноносец был всего в сорока

метрах от нас. Луна вышла из-за тучи, и мы увидели, как медленно повернулись на обезлюдевшей палубе орудия и протянули к нам свои черные хоботы.

— Вызвать всех свободных наверх! — сказал капитан.

Медленно вода по нашему кораблю страшным ослепляющим лучом прожектора, нацеля в нас свои пушки, шел рядом миноносец. Тускло мерцали под лунной его орудия.

— Храбрец, — сказал капитан. — Не велика храбрость на безоружных пушки наводить. Ничего, товарищи, спокойно, спокойно. Ишь ты, пугач какой!.. Выставил пушки, скажи, пожалуйста. Он сам стрелять в упор постесняется... только так, задирается, на скандал пробует вызвать. А вот подводную лодку на нас навести может. Это надо быть на-чеку... Ну-ка, ладно, погоди, сейчас мы на тебя тоже наведем кое-что.

Капитан шепнул что-то Мартынюку. И Мартынюк тотчас побежал в кают-компанию и вернулся оттуда, путаясь в проводах, таща свой громкоговоритель. Он поставил его на мостике, направив рас-труб в сторону миноносца.

— Давай полное усиление, — сказал капитан.

Громкоговоритель рявкнул, зазвенел от напряжения, и над темным Средиземным морем, под чужими звездами, в упор миноносцу загремел голос — громовой голос родины. Он, казалось, раздается над всем миром.

— Волков бояться — в лес не ходить! — говорил Сталин, словно подбадривая нас.

— Надо работать, а не хныкать! — говорил он.

И над морем гремели аплодисменты и раздавался веселый, оглушительный хохот людей, отвоевавших себе право на хорошую широкую улыбку.

На миноносце, видимо, слегка опешили. Прожектор потух. Как раз в эту секунду товарищ Сталин заканчивал свой доклад.

„...для завоевания новых побед коммунизма...“ услышали мы. И над просторами Средиземного моря загрохотала овация Кремлевского дворца.

Вот Съезд запел „Интернационал“, и мы, стоя на палубе, подхватили.

Пятясь, отвернув пушки, воровато отходил в сторону присмиривший миноносец.

А. Барто.

Рисунок испанского художника

ЛОРЕНСИТО

Любит песенки Мария,
Любит сказки и рассказы...
Каждый день поет ей песни
Лоренсито черноглазый.

А когда Мария плачет,
Он кричит: „Не плачь, Мария!“
И поет „Мамита миа“¹,
А „мамита“ — „мама“ значит.

Любит песенки Мария,
Любит сказки и рассказы,
И рассказывает тихо
Лоренсито черноглазый.

И рассказывает тихо
Лоренсито из Малаги:
„Ленинград — хороший город.
Там знамена, песни, флаги...

Там мы будем жить с друзьями
И друзьями будем сами;
Вместе праздновать победу
Я в Мадрид с тобой поеду!“

¹ „Мамочка моя“ — одна из любимых народных испанских песенок.

Шпион

Он, как хозяин, в дом входил,
Садился, где хотел,
Он вместе с нами ел и пил
И наши песни пел.
И нашим девушкам дарил
Улыбку и цветы,
И он со всеми говорил,
Как старый друг, „на ты“.
„Прочти. Поведай. Расскажи.
Возьми меня с собой.
Дай посмотреть на чертежи.
Мечты свои открой“.

Он рядом с нами ночевал,
И он, как вор, скрывал,
Что наши ящики вскрывал
И снова закрывал.

И в наши шахты в тот же год
Врывалась вдруг вода,
Горел химический завод,
Горели провода.

А он терялся и дрожал,
И на пожар бежал,
И рядом с нами он стоял,
И шланг в руках держал.

Но мы расставили посты.
Нашли за следом след.
И мы спросили:
— Это ты? —
И он ответил: „Нет“.

Мы указали на мосты,
На взрыв азотной кислоты,
На выключенный свет,
И мы спросили:
— Это ты? —
И мы сказали:
— Это ты. —
Но трус ответил: „Нет“.

— Гляди, и здесь твои следы, —
Сказали мы тогда: —
Ты умертвить хотел сады,
Пески оставить без воды.
Без хлеба — города.

Ты в нашу честную семью
Прополз гадюкой злой,
Ты предал родину свою,
Мы видим ненависть твою,
Фашистский облик твой!

Ты занимался грабежом,
Тебе ценой любой
Твои друзья за рубежом
Платили за разбой.

Чтоб мы спокойно жить могли,
Ты будешь стерт с лица земли!
Есть в пограничной полосе
Неписанный закон;
Мы знаем все, мы знаем всех:
Кто я, кто ты, кто он.

Чтоб в нашу честную семью
Не проползли враги,
Будь зорче! Родину свою,
Как око, береги!
Будь рядовым передовым
Бойцом,
Чекистом,
Часовым!

Сергей Михалков
Рисунки В. Житенева

БУХТА ЗЕЛЕНАЯ

А. Некрасов

Рисунки М. Гуревич

Весной я собрался к приятелю на дачу. Я рассказал шоферу, как ехать, уселся в машину и заснул. Погода стояла жаркая, дорога была гладкая, а я очень устал в тот день...

Просыпаюсь, смотрю, — что такое?

Мотор молчит. Машина стоит, и ехать дальше некуда. Все затоплено. Дорога прямо из-под колес уходит куда-то на дно. Под радиатором плещут волны. Ободранный телеграфный столб стоит по шейку, и кажется — вот-вот захлебнется. Справа лесок стоит по колесо в воде, точно стадо на водопое, а впереди — настоящее море. Ветер гуляет над ним, гоняет волны с белыми гребешками, а над волнами кружатся чайки...

Мы вышли из машины, покурили и помолчали. Уж очень неожиданно легло это море у нас на пути.

Откуда-то подошел курносый мальчишка в большом картузе. Подошел, стал рядом и засопел. Потом из-за мыса показался парус, и белая яхта прошла мимо нас, навстречу ветру.

— Ух ты! Здорово! Откуда это у вас? — спросил шофер.

— Лодка-то? С Москвы вчера привезли, — ответил мальчишка.

— А вода откуда?

— А вода с Волги. Канал тут.

Мы еще помолчали и опять осмотрелись кругом. Я, конечно, знал о канале, но думал, что это вроде улицы, залитой водой, ну, вроде реки, а тут целое море. И чайки... и паруса... — прямо не верится.

— Небось, весело стало с каналом? — спросил снова шофер.

— Нет. Скучно. У нас тут только два дома осталось, а ребята все на том краю живут. До них теперь пятнадцать верст по новому мосту, — сказал мальчишка и показал рукой на тот берег.

Там желтой змейкой дорога вылезала из воды. По краям ее ютились шесть маленьких домиков, а рядом, точно два мухомора, стояли белые башни с красными крышами.

— А это что?

— Фонари... Ночью их зажигают...

Тут опять показалась яхта.

Я снял пиджак и стал размахивать им, как флагом. С яхты заметили. Она круто легла на борт, повернула прямо на нас и две минуты спустя острым носом въехала на дорогу.

— Здорово, моряки! — крикнул я.

— Здравствуйте! — ответил рулевой. — Вы что махали?

— Да так просто. А вы что тут ходите?

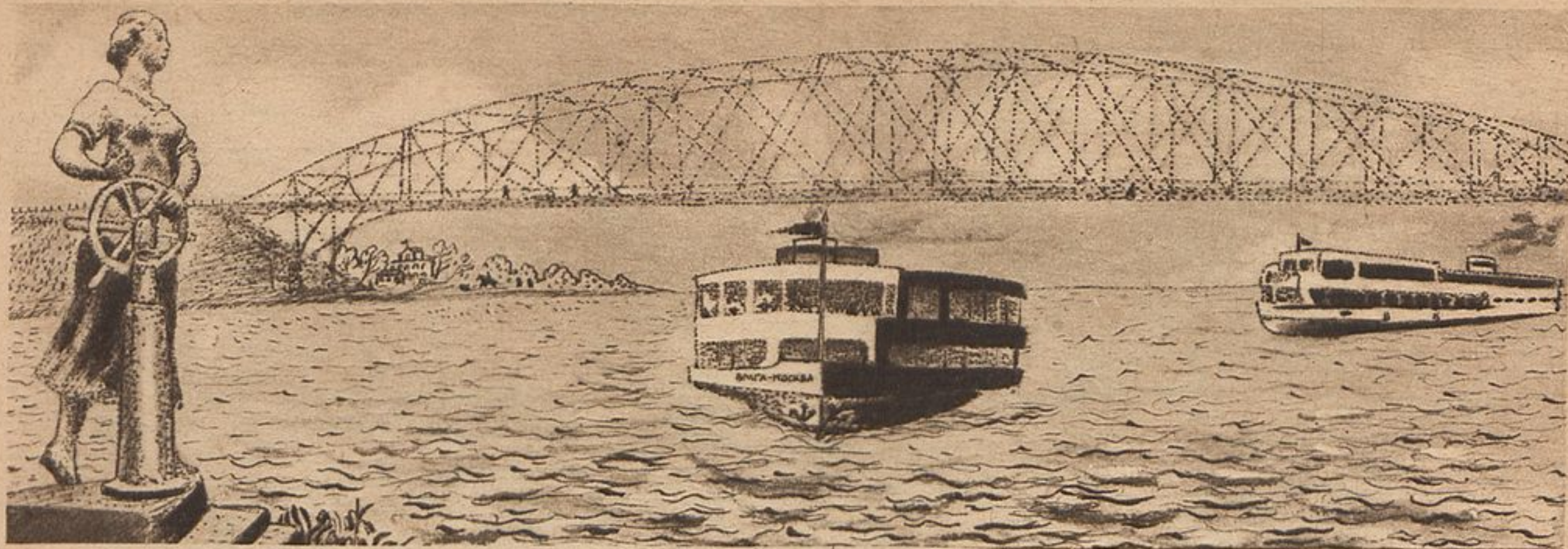
— Мы бухту ищем для стоянки.

— Возьмите нас с парнем, вместе пойдем искать.

— Ну что ж, садитесь, — сказал рулевой.

Новые необыкновенные приключения Мурзилки.

Шофер один уехал назад, а мы пошли в плавание. Рулевой натянул шкоты, яхта накренилась, понеслась, и вода зажурчала за бортом.

Мальчишка сначала струсил. Он съезжился комочком и пугливо озирался по сторонам. Когда налетевшим порывом ветра паруса пригнуло к воде и яхта легла набок, он, как сурок, полез на подветренный борт и крепко вцепился в него руками.

Рулевой и другой — худой усатый старик — засмеялись.

— Ничего, сынок, не бойсь, не положит, — сказал старик.

— А я и не боюсь, я так, — ответил мальчик и отцепился от борта.

Потом он осмелел, запустил руку в холодную воду и стал играть волной.

— Эй, как тебя звать-то? Не балуй! — строго сказал старик.

— Колькой звать, — ответил тот и чинно сел рядом со мной.

— Ты, Колька, здешний? — спросил рулевой.

— Здешний, а что?

— Вот ты нам и нужен: за лоцмана пойдешь. Ты фарватер знаешь здесь?

— Чего? — не понял Колька.

— Ну, здешние места знаешь? Где мелко, где глубоко?

— А тут теперь везде глыбоко. На горе, где церковь стояла, там самая мель, и то с ручками будет. А у речки, где огороды, ух, глыбина! Дна не достанешь!

— А ты здесь бухты хорошей не знаешь?

— Бухты? — переспросил Колька. — А бухта — это чего?

— Ну, залив, одним словом, нам яхту поставить.

— Заводь, что ли? Так это вам не сюда, это к лесу нужно, там есть зеленая заводь. Ух, глыбокая, — там овраг был!

И мы повернули к лесу. Удивительное это было плавание в новом, неведомом море. Во всем мире нет больше таких морей. Все моря давно открыты, названы, нанесены на карту, а тут хоть и не много простора, зато что ни шаг — открытие.

Ведь другой моряк весь мир обо-

шел по десять раз, а не пришлось ни открыть, ни назвать ни залива, ни мыса, ни острова. А Кольке повезло: он первый раз попал на воду — и тут же открыл бухту и дал ей название. Так ее и прозвали с тех пор „бухта Зеленая“.

А бухта оказалась какая! Просторная, тихая, а кругом — лес: дубы, березы, сосны.

Тут яхта бросила якорь, а через неделю сюда привели еще несколько яхт, поставили палатки, высокую мачту с флагом, повесили колокол.

Старый матрос Савельич, тот, что в первый раз ходил с нами на яхте, остался тут сторожем. Он целыми днями возился, чинил паруса, красил, строгал, вязал канаты, плел верши. И Колька стал его первым помощником.

И через месяц он уже плавал, как рыба, знал морскую команду, вязал узлы, как заправский матрос, и один катался на гребной шлюпке.

К тому времени наше море стало совсем настоящим. Откуда-то появилась крупная рыба, а за нею пришли рыбаки. На фарватере поставили морские бананы-мигалки; днем и ночью мимо нашей бухты ходили быстроходные катеры, трехпалубные пассажирские пароходы и буксиры с тяжелыми баржами за кормой. И Колька знал уже, что такое фарватер и что белые башни на том берегу не фонари, а маяки. Да что там, — он весь здешний флот знал по гудкам, и, бывало, не видно еще за мысом катера, а Колька уже кричит:

— Савельич, дай весла, там „Каманин“ идет. Я пойду на волнах качаться.

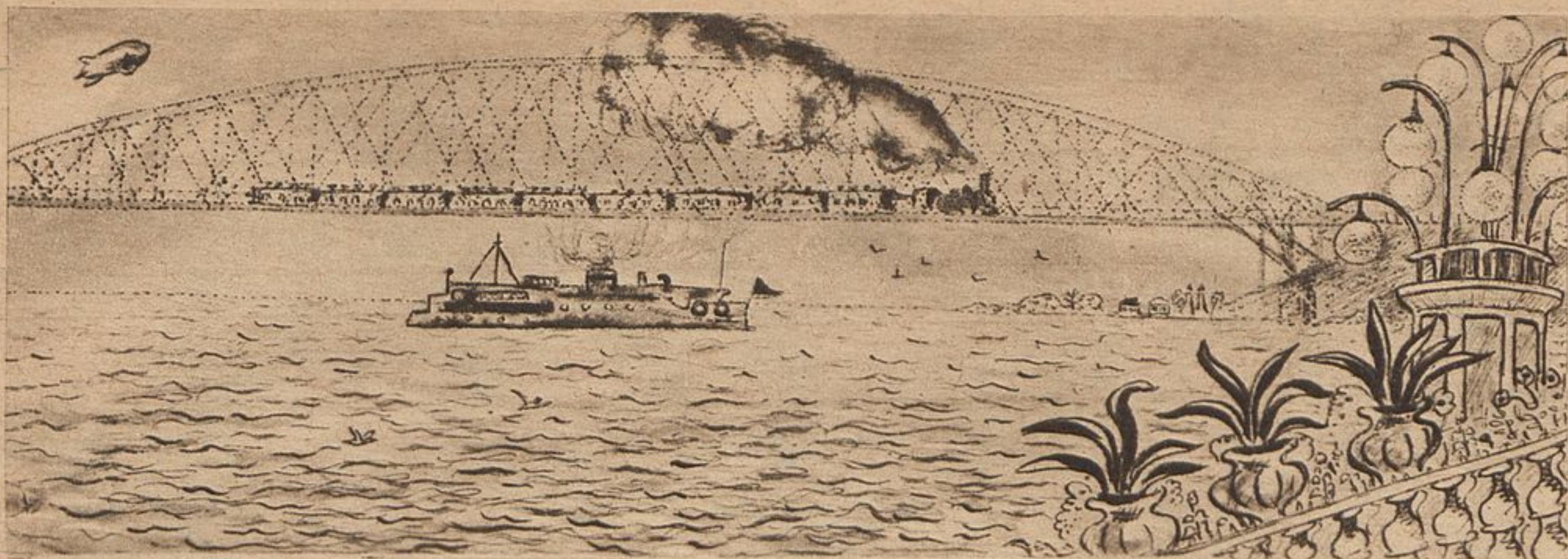
Однажды мы вместе с Колькой пошли на тот берег к его прежним товарищам. Я дал ему править. Он правил отлично, а ребята высыпали, завидя наш парус, и когда узнали Кольку, важно сидящего за рулем, полезли прямо в воду, — только бы скорее добраться до яхты.

— Колька, дай-ка веревку, я твою лодку подтащу! — крикнул кто-то из них.

И тут Колька показал себя настоящим морским волком.

— Не веревка, а фал-линь, не лодка, а швертбот, и подтаскивать меня не надо — сам подойду! — крикнул он, и действительно подошел мастерски.

В этот раз мы весь день ходили по нашему морю. Лазали смотреть старую колокольню, из которой сделали маяк, нашли пловучий остров и поймали на блесну щуку килограмма на три.

С тех пор ребята повадились к нам. Чуть не каждый день с утра на самодельном дощанике причаливали к нашей бухте, жгли костры и откачивали воду из яхт. Весело было с ними.

Однажды я засиделся в бухте чуть не до ночи. Я пошел на станцию, когда уже зажглись огни маяков и фонари на баканах весело подмигивали красными и желтыми глазами. Колькины приятели всей командой набились в свой дощаник и с песней поплыли домой. В бухте только и остались Савельич и Колька.

Я торопился на поезд. Шел лесом, по берегу, прыгая через овражки, и прислушивался к ветру, который дул все сильнее и сильнее. Вдруг страшный ливень хлынул с неба. Вода понеслась бешеными потоками. Молния сверкнула над нашим морем, грянул гром. Подмытые берега поползли, и глыбы земли плюхались в воду, точно моржи, испуганные выстрелом. Над головой заскрипели сосны, качаясь на ветру. Ветер снова усилился, начался настоящий шторм. Волны накатывались на берега и сердито ворчали... Быстроходный катер „Каманин“ шел в темноте против ветра, и по огням видно было, как его качает на волне.

К утру ветер стих, небо прояснилось, и я с первым поездом приехал в бухту Зеленую.

И не успел я спуститься к плоту, как на встречу мне бросился небритый, растерянный Савельич:

— Беда, товарищ Некрасов. Колька у нас пропал, и, куда делся, не знаю. Вчерашний день вы ушли, а тут шторм поднялся. Я ему наказал на плоту сидеть, а сам взял шлюпку да пошел тех ребят проводить. Ну, доставил я их благополучно. Прихожу назад, а Кольки и нет. Думал, домой побег, а нынче, видишь ты, смотрю — перевернутый ялик прибило. И весел нет. И фонарь „летучая мышь“ пропал... Что ж нам теперь делать-то?

Я не знал, что и сказать. Колька за лето стал как будто моряком, он без спроса в шторм

один не ушел бы, к дисциплине мы его приучили, но тут все выходило так, что ушел, не послушался, и теперь наказал и себя и нас.

Мы в тот день даже говорили вполголоса у себя в бухте, — никто не вышел на яхтах. Подняли только паруса — просушить от дождя, и всё ждали: может быть, Колька сам прибежит.

А его все не было. Пробили склянки. Одиннадцать часов. Двенадцать. Час. Снизу, из Химок, пошли катеры с экскурсиями. И вдруг катер „Каманин“ сошел с фарватера, остановился и загудел короткими и частыми гудками.

На всех морях такой гудок значит: давайте шлюпку. Но мы не шлюпку, мы самую быструю яхту подали к катеру.

Подходим. Пассажиры высыпали на один борт, даже катер накренился, и вдруг среди них откуда-то вынырнул Колька и ловко спрыгнул на яхту.

— Получайте своего шельмеца, я его вчера с бакана снял. За доставку всыпьте ему горячих! — крикнул капитан и дал катеру ход.

„Каманин“ взмылил воду за кормой и пошел догонять другие катеры.

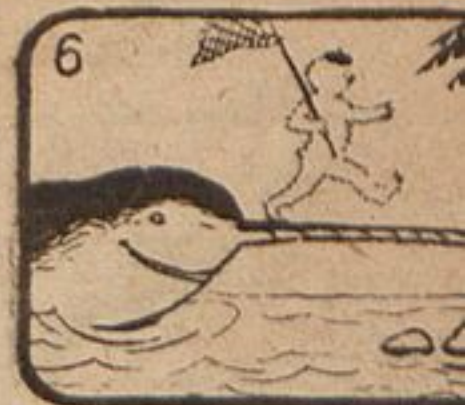
Пока мы шли к бухте, Колька бросался то к одному, то к другому и все хвастал:

— Ух, а я в Химках был, там дом какой! А мост какой! А шлюзы какие!

— Это мы знаем, — сказал я, — а ты вот расскажи-ка, зачем тебя на бакан занесло? Ведь Савельич велел на плоту сидеть.

— Мало что велел! А он тоже моряк — ночью без фонаря пошел! Опрокинулись бы ребята, как бы он их собрал? Вот я ему и повез фонарь...

И тут мы все поняли, что Колька у нас все-таки настоящий подмосковный моряк, и не стали его ругать. Только Савельич поворчал немного. А Колька с тех пор стал героем у ребят всего нашего побережья. Спросите только: где Колька, которого „Каманин“ спасал? — всякий скажет. А, впрочем, можно и не спрашивать: он сейчас учится, а как звонок — забежит домой, книги на полку и — в бухту Зеленую.

125 лет тому назад шестисоттысячная французская армия вторглась в пределы России. Вел это огромное войско французский император Наполеон Бонапарт, непобедимый полководец. Наполеон победил все воевавшие с ним европейские государства и присоединил их армии к своему войску.

С этим войском Наполеон надеялся быстро раз-

Из стихотворения М. Ю. Лермонтова

Б О Р О

„Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!“

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?“

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки—
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?

Рисунок В. Таубера

бить русскую армию. Но народ встал на защиту своей родины. Около деревни Бородино, близ Москвы, 5 сентября 1812 года произошел бой, какого не бывало до тех пор в истории. Бородинский бой решил судьбу Наполеона. С остатками своей армии он уже не мог победить. Армия его была изгнана из России.

Д И Н О

Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
„Пора добраться до картечи!“
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась, как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

ОХОТА НА КАВКАЗЕ

РАССКАЗ

И. Соколов-Микитов

Я познакомился с ним на базаре. Он стоял посреди площади, отставив ногу в дырявом и пыльном чувяке, и высоко держал сухую, небрежно повязанную башлыком голову.

Тоненький, оправленный серебром ремешок перетягивал талию. Одежда его была ветха и пыльна, а в дыры изодранных о колючки штанов сквозило худое и смуглое тело.

На левом плече Нестора сидел ученый ястреб. Охотник гордо осматривал проходивших мимо людей и улыбался.

А все было чудесно и замечательно вокруг! Яркое и высокое солнце, синее море и лиловые над городком горы. Турок-торговец недвижимо восседал над корзинами с виноградом. Страшный буйвол, запряженный в арбу, стоял на дороге, положив на спину толстые рога, и лениво жевал. Два абхазца-рабочих, загорелых и черных, сидели на корточках на земле, разговаривали и курили...

Познакомил меня с Нестором мой приятель, абхазец.

— Это большой охотник, — сказал абхазец. — Он много ходит, много знает, может ходить на охоту без собаки. Ты пойди с ним, он тебе покажет...

Вечером мы вместе сидели в духане¹. Нестор долго отказывался от предложен-

Рисунки А. Стахеевой

ного стакана вина. Мне очень нравилось его лицо, орлиный нос, сдержанная его важность. Ястреб по-прежнему сидел на плече его. Соблюдая достоинство, Нестор ел мало, говорил того меньше.

Поутру, как было условлено, Нестор явился в гостиницу меня будить. Мы вышли на охоту рано. Еще

лежала на траве и деревьях седая роса, сильно ипряно пахли кипарисы. Сизая дымка висела над морем и над горами. Мы прошли садами по каменной, поросшей травой стежке. Нестор шел впереди. На его плече качался длинный бамбуковый шест. Другого оружия при нем не было. Нас, охотников с ружьями, было трое. Мы едва поспевали за быстроногим проводником нашим.

Мы шли садами и убранными полями с торчавшими цыбулками кукурузы, колючими кустарниками, росшими по закрайкам полей, по местам, где ночью кормились зайцы. Нестор внимательно осматривал каждый куст. Задневавший в долине шакал выскочил из-под ног и стрелю помчался в горы. Нестор пронзительно свистнул ему вслед. У густого, проросшего высокой травой куста провожатый наш остановился и поднял руку. Два раза он обошел куст, точно принюхиваясь, как идущая по следу собака. Потом поставил нас вокруг куста и снял с плеча длинную палку. Лицо его

¹ Духан — ресторан.

было торжественно. Мы остановились подле куста с приготовленными ружьями, ждали. Я смотрел в лицо Нестора и не мог удержаться от улыбки. Еще раз обойдя куст, он стал пороть в траве палкой, совершенно так, как деревенские рыболовы порют, пугая под берегом рыбу. Тотчас же из куста на меня выскочил заяц-русак и, положив на спину уши, заковылял по чистому полю. Это было так неожиданно, что я забыл выстрелить. Нестор свистнул, пощелкал языком и укоризненно покачал головой.

Мы ходили все утро. Нестор внимательно осматривал каждый куст. Иногда он останавливался, поднимал руку, и мы привычно располагались вокруг указанного куста и приготавливали ружья. Для меня была непостижима способность Нестора учувать в кустах затаившегося зайца. Я внимательно следил за всеми его движениями, стараясь раскрыть занимавший меня секрет Несторова охотничьего чутья.

В обед мы подошли к хатенке Нестора. Это была сбитая из теса, обмазанная известью избушка. Нестор принял нас торжественно. Мы восседали на земле вокруг горевшего под котлом огня, пили чай и по обычаю произносили приветственные речи. Хозяйка угощала нас мамалыгой.

Когда мы выпили по стакану чая, я решил спросить Нестора об его замечательном умении находить зайцев.

— Ты удивительный охотник, — сказал я Нестору. — Я много ходил на охоту и много встречал охотников. Но еще ни разу не встречал такого, чтобы мог сам чують дичь и находить зайцев, как это делаешь ты. Я здесь человек новый и хочу все знать: скажи мне, пожалуйста, как узнаешь ты, под каким кустом лежит заяц?

Нестор покрутил усы и важно сказал:

— Ты русский охотник?

— Да.

— Я охотник кавказский. Кавказский охотник и русский охотник — теперь братья.

Слушай: есть ваш, русский, заяц, и есть наш заяц, кавказский. Наш кавказский заяц ночь туды-сюды ходит, потом идет спать и делает в кусте норку. Кавказский охотник ходит и глядит хорошенько. Если есть в кусте одна норка — один заяц; если есть две норки — два зайца. Кавказский охотник берет ружье, а другой пугает зайца. Так можно убить много зайцев...

Я сообразил не сразу — так было просто объяснение Несторова охотничьего секрета. Потом мне все стало понятно.

Кусты на Кавказе очень частые и густые, и в них всегда растет густая и жесткая трава. Ложась на дневку, заяц, как крот, зарывается в сухую траву, а за ним остается заметный охотнику лаз. Если внимательно осматривать каждый куст, можно найти заячьи ходы и по расположению помятых травинок наверное знать, в каком кусте лежит заяц. Не знакомому с такой охотой охотнику может показаться чудесным, как находит кавказский охотник „по чутью“ зайцев. Нужно примечать зорко, уметь хорошо читать живую и сложную книгу природы. Охотник Нестор делал это отлично.

Мы сидели у него долго. Со свойственным кавказцам гостеприимством он угощал нас, чем мог, и с гордостью показывал нам все свое семейное богатство. Потом он провожал нас до города. Я еще несколько раз виделся с ним и ходил на охоту, а в конце месяца мы расстались большими друзьями.

Марки СССР

Марки! Наклеенные на почтовых конвертах маленькие, цветные, зубчатые по краям бумажные четырехугольнички гуляют по всему миру и рассказывают о великой нашей родине. Марки Союза советских социалистических республик — это картина живой истории страны социализма за двадцать лет. Вот на одной из старых марок — взятие Зимнего дворца, в котором засело правительство помещиков и капиталистов. Он был взят в октябрьских боях 1917 года вооруженным пролетариатом, возглавленным партией Ленина — Сталина.

Матросы и рабочие идут к Смольному. Смольный стал штабом большевиков Петербурга — города, который называется теперь по имени Ленина — Ленинградом.

Мы видим Ленина, призывающего к борьбе за победу социалистической революции. Ленин, только что приехавший в Россию из-за границы, произносит свою речь, стоя на броневике. Это было 3 апреля 1917 года. «Вся власть советам!» провозгласила партия большевиков весной 1917 года. И осенью 1917 года, когда Великая Октябрьская социалистическая революция победила, наша страна стала социалистической советской республикой.

В кровопролитной гражданской войне народы нашей страны разбили белогвардейские полчища, которые были двинуты против нас свергнутыми, но еще не уничтоженными помещиками, капиталистами и иностранными грабителями-интервентами.

История гражданской войны украшена славными победами Первой конной армии: мы видим марку, посвященную десятилетию Первой конной.

Под руководством вождя народов товарища Сталина, ведущего нас по ленинскому пути, наша страна построила социалистическую промышленность и создала социалистическое сельское хозяйство. Мы видим на марке плотину Днепрогэса — первенца сталинских пятилеток.

Наша страна чтит свою историю, свою науку и литературу. Мы видим на марках нашей страны первопечатника Ивана Федорова. Он первый ввел в России печатание книг на типографском станке. Мы видим первого великого русского ученого и поэта Михаила Ломоносова на марке, выпущенной к двухсотлетию нашей Академии наук. Мы видим великого русского химика Менделеева. Мы видим на марках нашей страны Пушкина, Толстого, Горького.

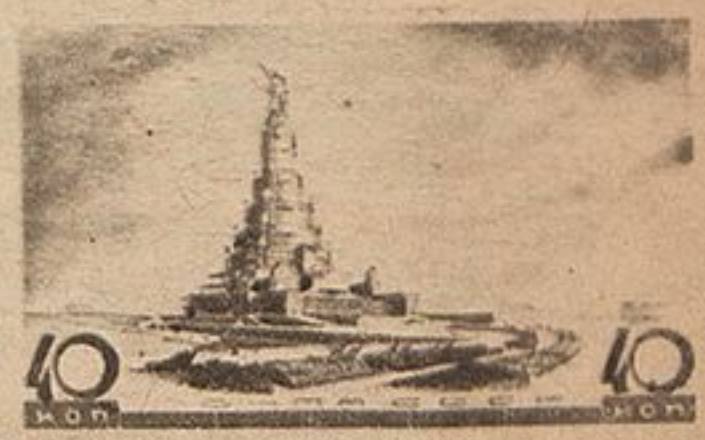
Страна социализма завоевывает Арктику. Вот марки с лагерем челюскинцев и ледовым комиссаром Отто Юльевичем Шмидтом. Вот арктическая карта на марке, выпущенной в честь второго полярного года. Прошло всего несколько лет, и самолеты Чкалова и Громова пересекли эту карту красной чертой, перелетев из СССР в Америку через Северный полюс. Вот первый советский стратостат, который 30 сентября 1933 года поднялся на 19 тысяч метров над землей.

Мы видим на марках Красную площадь, лучшее в мире московское метро, которое уже построено, и будущий Дворец советов, который строится в Москве.

Красная армия, Красный флот, Красный воздушный флот стоят на страже великого Советского Союза. Страна социализма готова дать отпор любому врагу.

Царскую Россию называли тюрьмой народов. Кровавый фашизм стремится задушить свободу народов.

В Союзе советских социалистических республик все народы равноправны. Сталинская Конституция охраняет счастье народов, и на марках СССР изображен радостный труд всех народов нашей родины.

Мурзилкина газета

Дорогой Мурзилка!

Я недавно была во Дворце пионеров.
Там много-много комнат! Красивые
комнаты! Мне не рассказать, как там
красиво. Приезжайте к нам сами и посмо-
трите, какой красивый дворец выстроил
нам товарищ Жданов. Во Дворце я смот-
рела кинокартину „Настоящий товарищ“
А. Барто. Очень понравилась девочка со
смешными косичками, которая все гово-
рила: „На всякий случай“.

*Инна Степанова, ученица 3-го класса.
Ленинград.*

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Я октябренок. Мне восемь лет.
Я говорю тебе, Сталин:
Я буду учиться для новых побед,
Чтоб выйти в прекрасный сол-
нечный свет
С оружием тверже стали!

*Адель Каганова, уч. 1-го класса.
Гомель.*

*Вид на парусник
Зен. С. Вильямский
10 лет*

СТАЛИНСКИЙ МАРШРУТ

Летит самолет
Сквозь пургу и гром,
Летит самолет
Над вечным льдом.
В нем лучшие
Родины нашей сыны,
Отважные соколы
Нашей страны.
Он вылетел днем,
В пятнадцать часов,
В нем трое
Испытанных молодцов.
Все дальше на север
Летит самолет,
И курс направляет
На полюс пилот.
И вот уж над полюсом
Наш самолет,
И курс на Америку
Громов берет.
В Америке ждут
Наш самолет,
Громов его
На посадку ведет.
Месяц прошел,
И снова Москва,
И Сталин услышал
Такие слова:
„Когда отдохнем,
Мы опять полетим:
Мы новых успехов
Добиться хотим!“

Леля Соколовский, 12 лет.

Москва.

ЕЛОЧНЫЕ САМОДЕЛКИ

Вот какие елочные игрушки можно сделать самому.

Нарисуй на картоне утку, рыбку, попугая, потом вырежь их и оклей с двух сторон чешуей от еловых шишек, только сначала обрежь углы чешуи.

Отдельно нарисуй и вырежь еще два контура головы рыбы и приклей их к туловищу. Крылья и хвост попугая и крылья утки тоже вырежь отдельно и оклей чешуей. Когда все это будет готово, раскрась фигурки или покрой их лаком. Глаза сделай из капелек клея.

Из проволоки сделай дугу, прикрепи ее к деревянному пруту и посади на него попугая.

А вот что можно сделать из яичной скорлупы. Возьми яйцо, выпусти белок и желток, аккуратно обрежь края скорлупы и оклей ее чешуей. Потом наполни скорлупку мелкими конфетами и подвесь на пестрых шнурочках. У тебя получится еловая шишка.

Парашиютиста сделай так: возьми половину яичной скорлупы, подровняй ее ножницами — это будет купол; наклей аккуратно ниточки, соедини их концы с фигуркой парашютиста и покрась купол золотом или разрисуй краской. Фигурку парашютиста можно слепить из пластилина или вырезать из картона.

Посмотри на картинку и сделай из скорлупки грибок и корзиночку. Обрезать скорлупу нужно сейчас же, как выпустишь белок и желток, а то скорлупа высохнет и будет под ножницами рассыпаться.

Годятся для игрушек и жолуди. Возьми один жолудь, сделай в нем шильцем шесть отверстий, потом туго намотай на гвоздь балалаечную струну, чтобы получилась пружинка; приготовь шесть таких пружинок и насади на них жолуди, а другие концы пружинок воткни в первый жолудь с отверстиями. После этого фигурку поярче раскрась и обсыпь блестящим порошком. Получится красивая трепещущая звездочка-снежинка.

Подсвечники тоже можешь сделать сам. Для этого возьми кусок проволоки, сантиметров тридцать длиной, согни ее пополам и, начиная со сгиба, наматывай на круглую палочку (с елочную свечку толщиной). На свободные концы прикрепи золоченые орехи.

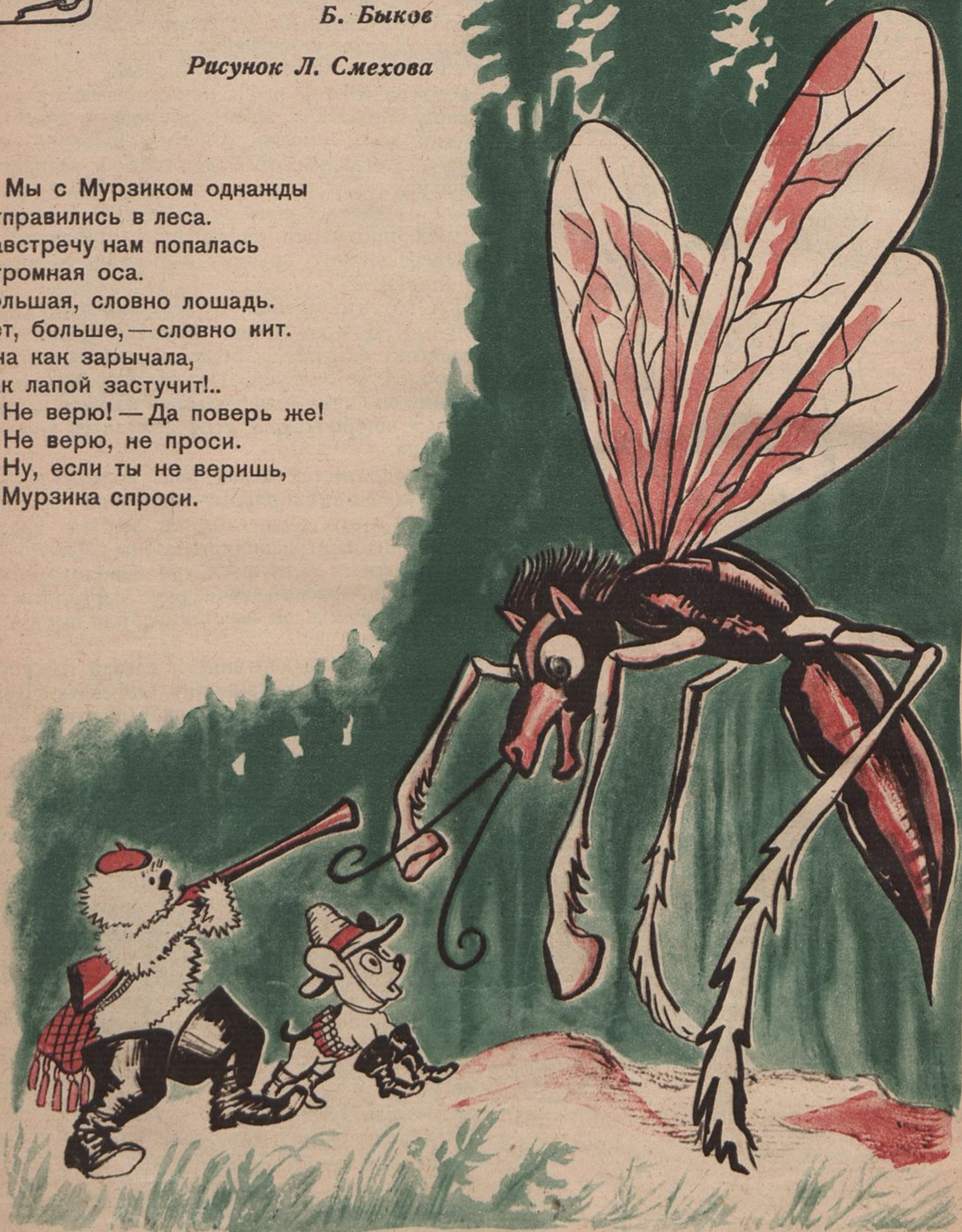

ОХОТНИКИ

Б. Быков

Рисунок Л. Смехова

— Мы с Мурзиком однажды
Отправились в леса.
Навстречу нам попалась
Огромная оса.
Большая, словно лошадь.
Нет, больше, — словно кит.
Она как зарычала,
Как лапой застучит!..
— Не верю! — Да поверь же!
— Не верю, не проси.
— Ну, если ты не веришь,
У Мурзика спроси.

ЧУДЕСНЫЕ ЧАСЫ

Рассказала С. Колесникова

Рисунки Н. Ушаковой

ШВАРЦВАЛЬДСКАЯ СКАЗКА¹

У высокой горы, на самом краю одной бедной деревушки, в маленьком домике жила вдова Марта.

Марта не любила людей. Даже дети раздражали ее своими криками и беготней. Поэтому она всех чуждалась и любила только свою козочку Белоснежку и ее веселого козленка.

Как-то вечером сидела Марта на крыльце своего домика и вязала чулок. Вдруг ей послышались голоса:

— Слышала, Грета? В городе-то падает скот.

— Не говори, Эльза. Я так боюсь за наших коз!

Это разговаривали крестьянки; они возвращались с пустыми кувшинами из города. Марта беспокойно посмотрела им вслед, и сердце ее сжалось предчувствием беды. Внезапный шорох заставил Марту поднять голову. У калитки стоял старичок в опрятном сером костюме. Старичок приветливо улыбнулся.

¹ Шварцвальд — горы на юго-западе Германии.

— Здравствуйте, фрау Марта! Как мне нравится ваш домик! Он точно кусочек сахара на зеленой тарелке. Жаль только, что он какой-то молчаливый. Хоть бы птичка пела, хоть бы часы тикали...

Марта не обиделась. Она просто никогда не замечала, что ее дом действительно молчалив. А при упоминании о часах она вдруг вспомнила, что у нее есть часы — замечательные настенные часы. Только они давным-давно остановились. Вот бы их исправить!

— А вы не часовщик? — спросила Марта.

— Настоящий часовых дел мастер! — раскланялся старичок.

Марта пригласила незнакомца в дом. Она вынула из сундука часы и отдала их часовщику.

А на другой день часы уже весело тикали на белой стене Мартиной комнаты. Часовщик не взял денег за починку, и Марта решила отблагодарить

его вкусным кофе. Старики подружались, и с этого дня седой гость частенько появлялся в домике старой Марты.

Между тем болезнь скота в городе разрасталась, и все в деревне очень беспокоились за своих коз.

Однажды под вечер тетушка Марта пошла в лес по грибы. Она уже набрала два кузова груздей и хотела идти домой, да заблудилась. Стала искать тропку — найти не может. Направо лежит дерево, поваленное грозой, налево — большой белый камень. Ни дерева, ни камня тетушка Марта не помнит. Вдруг она почувствовала запах дыма. Она пошла по направлению к дому и скоро увидела пламя костра. У огня сидел часовщик и помешивал грибную похлебку.

— Добрый вечер, фрау Марта! Вы попали прямо к ужину. Садитесь, пожалуйста.

Часовщик пригласил ее в свою избушку. Тетушка Марта, сильно согнувшись, отворила низенькую дверь и очутилась в небольшой, ярко освещенной комнате. В одном углу были навалены сухие листья вместо постели, а посередине стоял большой пень. На серой каменной стене висели огромные часы. На циферблате вместо цифр красовались домики. Стрелки были: одна длинная, черная, другая маленькая, красная. С удивлением узнала Марта в домиках свою родную деревню. Вот и ее избушка, и черная стрелка направляется к ней.

— Это ваша деревня, фрау Марта! — сказал часовщик.

— Вижу, — кивнула Марта.

— Эти стрелки, — сказал часовщик, — обозначают радость и горе. Красная — радость, она двигается редко. А черная — горе.

— Почему черная стрелка двигается к моему дому? — спросила Марта.

— Фрау Марта! Болезнь скота очень скоро перекинется на вашу деревню. Ваша коза должна погибнуть.

— А почему именно моя?

— Фрау Марта! Вы одиноки. Муж вам оставил какое-то наследство. Ведь правда?

— Все равно несправедливо! — волновалась Марта.

Она подошла к часам и передвинула черную стрелку на дом учителя. У него нет козы.

У него только одна кошка. Если кошка подохнет — невелика беда!

И тетушка Марта спокойно уснула. Ранним утром спустилась Марта в деревню. Козочка была здорова. В доме весело тикали часы.

А что делается в доме учителя? Марта надела черное платье, разгладила ленты чепца и отправилась в школу.

На крылечке сидела жена учителя. Она с удивлением ответила на поклон Марты.

— Фрау Гертруда, позвольте мне взять у вас какую-нибудь книжку.

Жена учителя молча пригласила Марту в комнаты.

— Почему вы печальны, фрау Гертруда? — спросила Марта.

— Ах, тетушка Марта! У нас подыхает кошка.

— Разве это горе? Возьмете другого котенка.

— Нет, тетушка Марта. Нашу кошку не заменишь. Моя больная девочка не ест и не пьет. Она все время плачет. Она очень привязана к кошке. Нет, нашу кошку нельзя заменить, фрау Марта.

Марта взяла первую попавшуюся книжку, попрощалась с женой учителя и сказала:

— Кошки живучи. Утешьте вашу девочку — будет жива ее кошка.

И ушла.

А в сумерки поднялась Марта в горы, нашла домик часовщика и, войдя в знакомую комнату, передвинула стрелку часов на дом корзинщика. У него не было козы. У него была собака. А разве собаку сравнишь с козой?

Утром спустилась Марта в деревню и первым делом побежала к дому корзинщика. Марта увидела гладко обструганную скамью, некрашенный стол, а на нем лежали незаконченная ивовая корзина и острый нож. Пучок ивовых прутьев валялся на скамье. Слепой корзинщик стоял на коленях в углу и дрожащей рукой гладил голову собаки:

— Не подводи меня, дружище! Что это с тобой? Ведь пора корзинки на рынок нести. А свалишься — с голоду мы с тобой умрем. Ну-ну, не вздумай расхвораться.

Марта кашлянула. Старик повернул к ней невидящие глаза.

— Чем могу служить пришедшему? — спросил он.

— Это я, сосед, Марта. Что это с вашей собакой?

— Умирает мой кормилец, фрау! Бывало, наплету я корзину, прилажу их ему на спину, возьму его за ошейник, он и ведет меня в город. А умри собака — и мне не жить. Куда я гожусь один?

И старик заплакал.

— Не плачьте, сосед. Поправится ваша собака.

Марта вышла на улицу. Одинок показало Марте дома. Она едва дождалась вечера. А вечером снова пошла по знакомой тропинке. Часовщика опять не было дома. Марта подошла к часам и передвинула стрелку на дом ложечника. Ложечник прекрасно зарабатывает своими ложками, да еще у него целых две козы. Если одной не станет, потеря невелика.

Утром Марта спустилась в деревню. Дома не оказалось воды. Она взяла ведра и пошла к колодцу. Вдруг она услышала детский плач. Плакал мальчик ложечника. Марта поставила ведра и заглянула в открытое окно дома ложечника.

— Здравствуйте, Мария! За что вы сынишку шлепаете? — спросила Марта.

К окну подошла жена ложечника:

— Снегурка заболела, молока не дает. А этот баловень воды сладкой не пьет.

— А другая коза? — спросила Марта.

— От другой молоко идет на продажу, тетушка Марта.

— А ложки? — спросила Марта.

— Ох, не говорите! Настали плохие времена. В городе открылась ложечная фабрика, и никто теперь наших ложек не покупает.

Марта вошла в дом, взяла на руки плачущего мальчика и понесла его к себе. Там она напоила его свежим молоком от Белоснежки, дала ему разноцветных лоскутов и коробочек, и скоро мальчик весело смеялся, играя на полу.

А к вечеру, когда мальчик заснул, поднялась Марта в горы и вошла в дом часовщика. Долго стояла она перед часами. Потом взяла стрелку и перевела ее на свой собственный дом.

Утром страшная весть облетела деревню: у Марты издохла коза. Первым пришел к Марте слепой корзинщик.

— Не плачьте, тетушка Марта. Мы все, по силе-возможности, поможем вам.

Потом прибежал сынишка ложечника. Он принес большой букет полевых цветов.

— Не плачь, тетушка Марта. Твоего козленка выкормит наша Снегурка. И опять у тебя будет коза!

Потом пришла жена учителя.

— Не плачьте, фрау Марта! Пойдемте лучше к нам! Моя девочка поправилась от радости. Ведь кошка-то здоровехонька. Пойдемте, фрау Марта, пойдемте! Нечего вам тут одной сидеть!

Марта улыбнулась и вдруг почувствовала, как хорошо, как радостно жить одною со всеми жизнью.

